

И. Э. СЕРМАН

ТРЕДИАКОВСКИЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

(1730-е годы)

Тредиаковским занимались в нашей науке много, но преимущественно как реформатором стиха, стиховедом и переводчиком; при этом были сделаны ценные наблюдения и интересные выводы. Однако из-за подобной сосредоточенности на конкретных принципах его стиховедческих трудов и переводческой работы общее значение литературной деятельности Тредиаковского и его историческая роль в создании русской литературы и русского просветительства долгое время оставались вне поля зрения исследователей его творчества.

Изолированное рассмотрение отдельных сторон деятельности Тредиаковского приводило к тому, что и суждения о них лишались достаточной конкретно-исторической базы. Так, например, стиховая реформа Тредиаковского изучена весьма тщательно, однако ее идейные предпосылки (связь с его мировоззрением и, в частности, с его литературными взглядами) не выяснены. До сих пор непонятно, в силу каких обстоятельств отважился Тредиаковский на такой решительный разрыв с почти вековой литературной традицией, какими общеидеологическими принципами он руководствовался. А ведь реформа стиха была лишь частичным выражением общей литературной программы Тредиаковского, органически связанной с его мировоззрением в целом.

Изучение мировоззрения Тредиаковского даст ключ к объяснению всех сторон его деятельности, поможет понять его достижения и неудачи, победы и поражения в их историческом значении и обусловленности обстоятельствами эпохи, а не только его личную судьбу и характер.

В первую очередь должно быть изучено отношение Тредиаковского к просветительской мысли и литературе его времени, поскольку тогда магистральная линия развития общественной мысли была представлена именно идеологией Просвещения.

С этой точки зрения Тредиаковский еще не подвергался изучению. Поэтому настоящая работа может быть лишь предварительной разработкой обширного круга вопросов, охватываемых темой «Тредиаковский и просветительство».

1

Когда Тредиаковский писал свои первые драмы и стихотворения, русская литература находилась в состоянии сильного и непрерывного брожения. Многие традиции были оборваны насильственно, возникли новые жанры в прозе, обозначился резкий разрыв между светской литературой и церковной письменностью, хотя именно в это время наиболее гибкий жанр церковной литературы — проповедь — превратился в арену публицистических выступлений политических деятелей различных направлений.

К концу 1720-х годов уже в первых сатирах Кантемира русское просветительство сказало новое слово в истории русской литературы и русской общественной мысли.

Перед русской просветительской мыслью послепетровской эпохи встала задача создания единой общенациональной литературы, не существовавшей в России допетровской, где частносословные или церковно-догматические интересы препятствовали появлению литературного направления, для которого государственная точка зрения совмещалась бы с общенациональной, а основным практическим критерием и регулирующим философско-этическим принципом был бы абстрактно-рационалистический идеал просвещенного абсолютизма.

Своеобразие русского исторического процесса, проявившееся в петровской «революции сверху», обусловило и то, что в России Просвещение и классицизм совместились хронологически, а не следовали одно за другим, как это было во Франции, например, где классицизм появился еще в первой половине XVII века, а просветительство — в начале XVIII. Кантемир и Тредиаковский были одновременно и просветителями и создателями русского классицизма как особого литературного направления. Правильно понять и оценить значение деятельности Тредиаковского в литературно-идейном движении 1730—1750-х годов можно только в исторической перспективе. Тогда индивидуальный путь писателя естественно окажется связанным с общим ходом литературного развития.

Общественно-литературная деятельность Тредиаковского в России началась в 1730 году, по возвращении из Франции. Он сразу становится признанным поэтом и литератором. Начинается самая светлая пора его жизни и литературной деятельности. Она продолжается около 15 лет, до 1745 года, когда поэтический талант

Ломоносова отодвигает Тредиаковского в тень. С середины 1740-х годов наступает десятилетие ожесточенных общественно-литературных споров и борьбы за место в литературном движении — борьбы, заканчивающейся в середине 1750-х годов полным вытеснением Тредиаковского на периферию литературы. Со второй половины 1750-х годов до конца жизни Тредиаковский занят исключительно переводами; литературное оживление 1760-х годов его уже почти не касается, хотя он и использует предисловия ко всем томам «Древней истории» Роллена для своих общественно-философских и литературно-полемических выступлений.

В свое время Л. Н. Майков начал было систематическое рассмотрение творческого пути Тредиаковского,¹ однако оно остановилось на самой начальной поре жизни писателя, да и выводы, к которым пришел Майков, представляются очень спорными. Он считал, что Тредиаковский, «вращаясь среди московских латынщиков... усвоивал от них не одну школьную науку, но и их воззрения на события текущей жизни»,² т. е. что влияние Федора Поликарпова, Леонтия Магницкого и других московских деятелей, сдержанно или даже враждебно относившихся к Петровским реформам, определило все дальнейшее идеологическое развитие Тредиаковского. Майков при этом приводит доводы и доказательства, взятые из позднейшей эпохи деятельности Тредиаковского. Сближая Тредиаковского с «московскими латынщиками», Майков пренебрежительно отзывается о «Елегии о смерти Петра Великого», созданной, по-видимому, под свежим впечатлением этого события: «Написанная грубыми стихами, она наполнена мифологическими намеками и вообще представляет собою не более как набор самых бессвязных общих мест в детски-нескладной форме».³ Между тем при более внимательном чтении в «Елегии» Тредиаковского очень легко улавливается связь мыслей, а «общие места» приобретают очень значительное и конкретное содержание.

Тредиаковский в своей «Елегии о смерти Петра Великого» систематически, а не бессвязно, излагает свой взгляд на Петра, свою оценку исторического значения петровских реформ. «Елегия» — это обдуманное выражение мыслей и чувств сознательного и безусловного защитника «новой России», созданной Петром, убежденного сторонника петровского дела, в особенности его забот о развитии просвещения в России. Сравнение «Елегии» со «Словами» Феофана Прокоповича о смерти Петра показывает полную

¹ Л. Н. Майков. Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726). «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, № 7, отд. 2, стр. 1—22.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 13.

общность мыслей и чувств ближайшего сподвижника Петра и безвестного студента Славяно-греко-латинской академии.

Феофан Прокопович произнес две проповеди,⁴ посвященные смерти Петра I. Первая из них коротка и представляет собой ряд риторических уподоблений Петра библейским иереям: «Се оный новой России, Сампсон, . . . се твой первый о России, Иафет . . . се Моисей новой. . . се твой Соломон и т. д.». При этом каждой сфере деятельности Петра отводится соответствующее уподобление.

В «Елегии» Тредиаковского нет уподоблений, взятых из Библии; все мифологические персонажи — античные (Нептун, Марс, Паллада; Петр сравнивается только с Марсом), но зато из другого «Слова» Прокоповича в «Елегию» попали олицетворенные Политика, Философия, Механика, Математика и моря, «громко» печалующиеся о Петре. Переключка и идейное сходство со вторым «Словом» несомненны.

Прокопович так говорит о законодательной деятельности Петра I: «. . . довольные регламенты и многие скрижали законные сочинил . . . И дабы всякое злодейство яко в зелии ехидна сокрытися не могло, чин фискальства определил, и одолжил <обязал> оное не токмо траты государственного интереса, но и персональные подданных своих обиды усматривати и объявляти, таковых наипаче бедных человек, котории суда и управы искати или ради худости своей не могут, или ради силы обидящих не смеют».⁵

У Тредиаковского это соответствует следующим строкам, в которых излагается плач Политики о Петре:

Кто ин тако первее скрасил Полити́ку?
Кто мене в конец достигл толь весма велику?
Рассмотрил, ввел, пременял, укрепил он нравы,
Много о том глаголют изданные правы.

Интересно при этом отметить, что отношения Петра к религии и церкви Тредиаковский почти не касается. Для него Петр в первую очередь «своего государства новый сотворитель», покровитель наук, создатель флота, победитель врагов страны, а вовсе не насадитель православия.

Каковы бы ни были ранние несохранившиеся трагедии⁶ Тредиаковского, «Елегия», первое известное нам его общественно-политическое выступление, убеждает в том, что он вовсе не был учеником и последователем «московских латынщиков».

⁴ Феофан Прокопович. Слова и речи, ч. II. СПб., 1761, стр. 127—169.

⁵ Там же, «Слово на похвалу Петра Великого», стр. 151—152.

⁶ «. . . можно считать весьма вероятным предположение, что под именами Язона и Тита в драмах Тредиаковского прославляется опять-таки Петр». Л. Н. Майков. Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726), стр. 12; П. Морозов. История русского театра. СПб., 1889, стр. 340.

Тредиаковский начинал как просветитель, как сторонник просвещенного абсолютизма, в котором он видел в тогдашних исторических условиях единственное орудие общественного прогресса и поступательного развития национальной культуры.

2

Литературная деятельность Тредиаковского до 1730 года, до возвращения его в Россию, еще мало изучена. Очень интересную работу, касающуюся одного из возможных собеседников и учителей Тредиаковского во Франции, недавно опубликовал П. Н. Берков.⁷ При этом и он, и А. Мазон, поместивший полезную работу об аббате Жираре,⁸ придерживаются общепринятой точки зрения, согласно которой знакомство Тредиаковского с французской литературой относится ко времени его пребывания в Париже (1727—1730). Между тем известно, что французскому языку Тредиаковский выучился еще до того, как попал в Париж: «И в начале 1726 года получил я оказию выехать в Голландию, а там при полномочном министре, его сиятельстве графе Иване Ивановиче Головкине обретаюсь, обучился французскому языку».⁹ В Париж Тредиаковский прибыл в самом конце 1727 года, следовательно, в Гааге он провел немногим меньше двух лет.

Голландский период жизни Тредиаковского совершенно не изучался его биографами, хотя именно в Голландии 1720-х годов он мог познакомиться гораздо лучше и свободнее, чем в самой Франции, с последним словом французской и общеевропейской просветительской мысли. Убежище французских эмигрантов-гугенотов, страна, где тогда существовала почти полная сравнительно с абсолютистскими государствами Европы свобода печати, Голландия предоставляла любознательному и трудолюбивому человеку богатейшую книжную и журнальную литературу, проникнутую просветительскими идеями, литературу, основоположником которой был Пьер Бейль. Все новинки французской литературы, в том числе и запрещенные в самой Франции, печатались в Голландии и расходились по всей Европе.

Трудно представить себе, чтобы Тредиаковский не читал голландских журналов (выходивших на французском языке), широко освещавших учено-литературную жизнь Англии, Франции и самой Голландии. Укажу на те из них, которые выходили во время пре-

⁷ P. N. Berkov. Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé. Girard. «Revue des études slaves», t. 35, f. 1—4, Paris, 1958, pp. 7—14.

⁸ «Revue des études slaves», t. 35, f. 1—4, Paris, 1958, pp. 15—56.

⁹ П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 7.

бывания Тредиаковского в Голландии: «Литературный журнал» («Journal littéraire»), Гаага, 1713—1736, 24 тт., редакторы: Саленгр, Сгравезанде и Ван Эффен; «Древняя и современная библиотека» («Bibliothèque ancienne et moderne»), Гаага, 1714—1727, 26 тт., редактор Ж. Леклерк; «Английская библиотека» («Bibliothèque anglaise»), Амстердам, 1717—1728, редактор Мишель Делярош.

Эмпирики и последователи Локка в философии, ньютонианцы и «бэконисты»¹⁰ в естествознании, франко-голландские журналисты были убежденными сторонниками конституционно-монархического парламентарного строя. Идеализируя английскую конституцию, они противопоставляли английский государственный строй и английскую общественную жизнь деспотизму абсолютистских монархий континентальной Европы. Английская эмпирическая философия, английская историография, английская общественная сатира (Свифт и журналы Стиля и Аддиссона) были для них образцовым порождением «свободных», как им представлялось, английских общественных условий. Редактор журнала «Английская библиотека» Делярош писал об Англии: «Это страна, где науки и искусства расцветают как нигде в мире; они вырастают в лоне свободы».¹¹ Голландские журналы имели корреспондентов в Англии, Италии, Германии; в их изложении или в их переводах вся читающая Европа ознакомилась с сочинениями английских философов (Коллинза, Шефтсбери, Мандевилля), с английскими сатирическими журналами, с «Путешествием Гулливера» и «Сказкой о бочке» Свифта, с «Опытом о человеке» Попа и др. Голландские журналы в значительной степени определили интерес к английским учреждениям у Монтескье и Вольтера, подготовили появление «Английских писем» Вольтера — самого яркого манифеста просветительской мысли 1730-х годов. Одного из наиболее популярных журналистов Голландии, виднейшего последователя и продолжателя дела П. Бейля, Жана Леклерка, так характеризует исследователь французской литературы в Голландии: «Смелый, защитник свободы мысли, непримиримый борец с догматизмом и религиозной нетерпимостью, он провел всю жизнь, сражаясь за права разума, и нельзя сомневаться, что его многочисленные произведения содействовали ускорению движения мысли восемнадцатого века».¹² В журнале Леклерка Тредиаковский наряду с подробными рецензиями на новые комментированные издания и переводы античных авторов мог ознакомиться и со всеми философскими спорами того

¹⁰ «В метафизике редакторы (названных выше журналов, — И. С.) были локкистами, в науке „бэконянцами“ и ньютонианцами, в политике — парламентаристами». См.: I. Texte. Jean-Jacques Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire. Paris, 1895, p. 34.

¹¹ Там же, стр. 35.

¹² Nouvelle biographie generale, t. 18, p. 797.

времени, с полемикой между Шефтсбери и Мандевилем, между эмпириками и лейбницианцами, прочесть рецензию на «Сказку о бочке» Свифта и «Персидские письма» Монтескье и т. д. Словом, во Францию Тредиаковский прибыл, уже хорошо зная современное состояние просветительской мысли.

Парижский период жизни Тредиаковского также совсем еще не изучен. Уже упоминавшаяся работа П. Н. Беркова намечает путь, по которому надлежит вести исследование. Мы пока не можем представить себе даже приблизительно университетскую науку, с которой познакомился Тредиаковский в Париже. В какой-то мере осветить это поможет анализ основной литературно-критической работы Роллена, вышедшей в свет как раз ко времени прибытия Тредиаковского в Париж.¹³ По свидетельству Миллера, Тредиаковский «хвалился, что в Парижском университете был слушателем знаменитого Роллена».¹⁴ Привязанность Тредиаковского к Роллену общеизвестна; переводу его «Древней» и «Римской» историй Тредиаковский посвятил 20 лет своей жизни. Чем же мог так привлечь молодого студента старейший профессор Парижского университета?

Вольтер в своих примечаниях к острополюемической поэме «Храм вкуса» поместил очень сочувственный отзыв о Роллене: «Шарль Роллен, прежний ректор университета и профессор королевского коллежа, был первым человеком в университете, который написал хорошо на французском языке руководство для юношества и который рекомендовал изучать наш язык, столь необходимый, и однако так пренебрегаемый школами. Его книга „Traité des études“ дышит хорошим вкусом и здравой литературой. Его только упрекают в том, что он впадает в скрупулезность. Он удаляется от хорошего вкуса, когда хочет шутить...».¹⁵

Действительно, свое руководство Роллен начинает с указаний по методике изучения языков, поставив на первое место изучение французского, а уже потом латинского и греческого языков. Об этом руководстве Тредиаковский позднее писал: «... но он возмнил наконец, что слава за искусство в тех обоих языках (греческом и латыни, — И. С.) приличествует паче или Геродоту, как греку, по сладости греческого, или ж Ливию, как римлянину, по красоте римского. Ему, как французу честнее будет, когда покажет умение свое в нежности французского: ибо в сем он обществе родился, вскормился, обучился, а потому для пользы сему точно и жить, и знать, и действовать долженствует... С сим намерением издал он природным себе языком книгу, состоящую в четырех томах,

¹³ Ch. Rollin. De la maniere d'enseigner et d'étudier des belles lettres pour rapport a l'esprit et au coeur. Paris, 1726—1728, № 1—4.

¹⁴ П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 9.

¹⁵ Voltaire. Oeuvres complètes, t. 6. Paris, 1859, p. 55.

а наименованную „Способ как учить и учиться“. Вот тогда народ по сей уже познал, что он не втуне профессор красноречия, видя целую сию книгу, предлагающую токмо о словесных науках и толь обстоятельно, и толь краснословно... Книга сия коль красна́ и сладка по речи; толь важна и полезна по вещам. Преисполнена словесных дельностей книга!». ¹⁶

Для начала XVIII века, когда языком науки была латынь, такое отношение к французскому языку было явлением очень прогрессивным. Можно предположить, что декларативное предисловие Тредиаковского к «Езде в остров любви», в котором совершенно изгоняются из русского литературного языка церковнославянизмы, в какой-то мере связано с идеями Роллена о равноправии французского и древних языков.

В личном облике Роллена, в его биографии так же многое могло привлекать Тредиаковского. В «Предуведомлении от трудившегося в переводе» к I тому «Римской истории» Роллена Тредиаковский писал о ее авторе: «Был он впрочем муж niskого состояния по рождению: сын ножевого художника парижанина; но имел свыше превысокие дарования умственные и нравственные. Толь сие праведно, что разум и добродетель, есть жребий всего человеческого рода, а не человек только породных...». ¹⁷

Сын ножевщика, обязанный только самому себе и своим способностям, а не своему происхождению, независимый и честный ученый, Роллен формально не был связан с просветительским движением начала века. Но его общественная независимость, а главное его любовь к античным республикам, к республиканским добродетелям и строгим нравам превращали его лекции по античной истории в суровую критику французских нравов эпохи Регентства и Людовика XV. Даже его борьба с главенством латыни в школьном образовании приобретала политическое значение: «Свергнуть латынь — значило подготовить падение всего, что изучалось по латыни», ¹⁸ т. е. прежде всего религии. В своем руководстве «*Traité des études*», излагая правила ораторской речи, он, как и другие авторы риторик, приводил образцы речей древних, но при этом самый подбор цитат делал так, что читатель получал обширную антологию лучших образцов античного патриотизма и республиканизма.

Роллен начал публиковать свой обширный курс истории в 1730 году. Возможно, что первый том ее Тредиаковский прочел еще в Париже.

Дело в том, что появление первого тома «Древней истории» Роллена, как и всех последующих томов, сопровождалось необык-

¹⁶ Роллен. Римская история, т. I. СПб., 1761, стр. Г—Д.

¹⁷ Там же, стр. Б.

¹⁸ I.-F. B u n g e n e r. Voltaire et son temps, t. 1. Paris, 1851, p. 38.

новенным успехом и возбуждением интереса во всей Европе. Это объяснялось не новизной исторических воззрений автора или привлекаемых материалов. Исторической критике Роллен еще чужд; он с безусловным доверием пересказывает все легендарные предания Тита Ливия и не сомневается в существовании семи римских царей. Но его «История» проникнута тем же антично-республиканским духом, который, может быть, даже помимо воли автора, превращал ее в беспощадный политический памфлет на современность. Хотя и в наивной форме, Роллен уже в значительной степени предвосхитил характерную для просветителей морализаторскую, аллюзионно-публицистическую трактовку античности как школы добродетельных нравов и гражданского поведения.

Если у нас нет оснований думать, что Тредиаковский усвоил теоретический античный республиканизм Роллена, то во всяком случае несомненно, что морализм и стоицизм его университетского профессора представлялся Тредиаковскому идеалом поведения человека и ученого.

3

Роллен был далек от собственно литературной жизни Франции конца 1720-х годов. Какие же явления литературы обратили на себя внимание Тредиаковского, что пробудило в нем уже не философский, а чисто художественный интерес? Здесь нет надобности заниматься гаданиями и предположениями. «Езда на остров любви» (1730) с приложением «Стихов на разные случаи» должна, как будто, дать ясный и недвусмысленный ответ на эти вопросы. Однако и в этом случае у исследователей творчества Тредиаковского историческая перспектива оказалась смещенной.

Действительно, перевод Тредиаковского на первый взгляд может показаться выражением архаических литературных вкусов. Ведь книга Поля Тальмана «Путешествие на остров любви» вышла в 1663—1664 годы и к приезду Тредиаковского в Париж должна была совершенно устареть. На самом же деле «Путешествие на остров любви» имело непрерывный успех у читателей. Тредиаковский в предисловии к «Езде в остров любви», пишет, что он читал книгу Тальмана по изданию 1713 года: «Она выдана на французском языке в Париже в 1713 году и учинила великую своему творцу славу (которая всем охотникам и в мою бытность была памятна)» (Предисловие к «Езде в остров любви»). Как видно из каталога Парижской национальной библиотеки, «Путешествие на остров любви» переиздавалось очень часто¹⁹ и, по-видимому,

¹⁹ Оно входило в состав сборника «Melange d'histoire et de litterature recueillis par M. de Vigneul-Marville», выходившего в 1699—1700 годы в Руане, в 1699 году — в Париже, в 1700 году — в Роттердаме, а затем снова в Париже в 1700—1709, 1713, 1725, 1740 годы. Нам была доступна только

нисколько не устарело для французских читателей 1730 года. В тот год, когда Тредиаковский прибыл в Париж, интерес к галантным аллегорическим повестям с античным колоритом пробудился снова, благодаря появлению поэмы в прозе Шарля Монтескье «Книдский храм» (1725), в которой будущий автор «Персидских писем» и «Духа законов» выступил как изобразитель садов и нимф острова Книд. Мадам Дюдефан назвала поэму молодого Монтескье «апокалипсисом утонченной любви» («l'apocalypse de la galanterie»).²⁰ По своему содержанию, по лиризму и красочности описаний «Книдский храм» оценивался современниками как подражание самому поэтическому эпизоду из «Приключений Телемака» Фенелона — о пребывании Одиссея на острове нимфы Калипсо.²¹

В это время спор новых и древних — о преимуществе античной или современной литературы — уже закончился победой сторонников новых, но одно из ответвлений этого спора — дискуссия о равноправии стиха и прозы в поэзии — еще продолжалось.

Одним из самых убежденных сторонников «поэзии в прозе» был Фенелон; в своем «Письме в Академию» и в «Диалогах о красноречии» он отрицал рифму и указывал, что поэзия вполне возможна без стиховой формы, приводя в качестве примера Библию. Критическое обсуждение «Похождений Телемака» в первом полном издании 1717 года во французской критике закончилось единодушным признанием равноправия прозаической поэзии и устарелости поэзии стихотворной. Известный теоретик искусства, аббат Дюбос и Монтескье в «Персидских письмах» также отрицали необходимость стиховой поэзии. А Удар де Ламот переложил в прозу одну сцену из трагедии Расина «Митридат» и свою собственную трагедию «Эдип», чтобы практически доказать превосходство прозы над стихом. Однако и стихотворная поэзия имела сильных защитников. Одним из них был Вольтер, не признававший поэзии без стиха и называвший теорию Ламота «опасной и нелепой» (absurd); он утверждал, что Фенелон и Монтескье так низко оценивали стихи главным образом потому, что были неспособны их писать.²²

В основной литературной работе Тредиаковского, сделанной за границей, в его переводе книги Тальмана совместились разнообразные литературные впечатления 1727—1730 годов. Под влиянием споров о прозаической поэзии, в свете успеха «Книдского храма» Монтескье Тредиаковскому легко могло показаться вполне своевременным ознакомить русского читателя с популярной книгой

позднейшая перепечатка в многотомном издании «Voyages imaginaires», t. XXVI, Amsterdam, 1788.

²⁰ Mich eau. Biographie universelle, t. XXIX. Paris, p. 81.

²¹ V. Clayton. The prose poem in French literature of the eighteenth century. New York, 1936, pp. 23—25.

²² Там же, стр. 155.

Тальмана, написанной поэтической кадансированной прозой вперемежку со стихами. Спор о преимуществах стихотворной и прозаической поэзии во французской литературе еще не был решен, и Тредиаковский, не примыкая окончательно к какой-либо из спорящих сторон, переводит произведение, написанное и стихами и прозой, т. е. как бы проверяет читательским восприятием оба решения этого спора. Он писал в предисловии к «Езде в остров любви»: «Будучи в Париже, я оную прочел с великим удовольствием моего сердца, усладившись весьма как разумным ее вымыслом, стилем коротким, так и виршами очень сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в то же самое время горячее возымел желание перевести оную на наш язык». Как видно из этих слов Тредиаковского, его равно восхищали у Тальмана стихи и проза, последняя, по-видимому, своей лаконичностью и сжатостью («короткий» стиль).

Не высказываясь в пользу стиха или прозы, Тредиаковский в переводе Тальмана выступает решительным сторонником рифмы в стихе: «Переводя вирши французские на наши, великую я трудность имел: ибо надлежало не потерять весьма разума (смысла, — И. С.) французского, сладости и силы, а всегда иметь русскую рифму. Может статься, что вы не будете довольны разумом моих виршей, того ради прошу хотя оных рифмы за благо принять; ибо они весьма во всем прямые русские...». При выборе стилистической окраски своего перевода Тредиаковский руководствовался содержанием произведения, тем, что «сия книга мирская» и посвящена изображению «сладкия любви». Поэтому он считал необходимым отказаться в «Езде в остров любви» от «глубокословныя... славенщизны» и переводить «почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Возможно, что при этом Тредиаковскому вспомнилась борьба Роллена за равенство французского с латынью, поскольку отношения церковно-славянского и русского языков в литературе первой четверти XVIII века отчасти могли быть сопоставлены с отношениями латыни и французского языка во французском университетском обиходе.

Но самым главным для Тредиаковского при выборе языка и стили его перевода была жанровая природа тальмановского «Путешествия», его галантно-любовный, перифрастический язык. Эту отточенность оборотов он и стремился передать средствами русского языка, избегая славянизмов лексических и синтаксических. Если сравнить «Елегию о смерти Петра Великого» с «Ездой в остров любви», то разница окажется очень заметной. «Елегия» полна славянизмов: не имам горести; мутится очима; ушима; градех; без тебе есмь; како возмогу стерпети, тебе несущу, в слезах чтоб не кипети (дательный самостоятельный, — И. С.); вем;

стужна; бо; достигл; туча презелна; треба. В «Езде в остров любви» славянизмов нет, и это, по-видимому, для самого Третьяковского означало решительный разрыв с литературным языком «московских латынщиков». Достаточно вспомнить те извинения, которыми сопровождает Федор Поликарпов введение им русских слов в перевод «Географии» Варения: «Моя должность объявити яко переводих сию (книгу, — И. С.) не на самый высокий славянский диалект против автора сочинения и хранения правил грамматических, но множае гражданского посредственного употребляя наречия, охраняя сенс и речи оригинала иноязычного».²³

Перевод Тальмана был дерзким вызовом всей официальной литературной традиции и по «теме», и по языку.

4

Своим переводом «Езды в остров любви» Третьяковский предложил обширную программу литературных реформ, часть из которых была осуществлена им, а часть была выполнена позднее уже другими деятелями русской литературы и просвещения. Но Третьяковский в это время вовсе не был кабинетным ученым-эрудитом, каким его изображают некоторые исследователи. Сразу же по возвращении в Россию он включается в общественную жизнь и делает свое творчество рупором определенных политических идей. Как и до отъезда за границу, Третьяковский выступает убежденным сторонником просвещенного абсолютизма, воплощением которого для него являются личность и деятельность Петра I. Как справедливо полагает Пекарский, к 1731 году относится один неопубликованный перевод²⁴ Третьяковского, по которому можно представить себе его политические идеалы и практическую общественную программу. Перевод, по-видимому, предназначался для «Примечаний» к «С.-Петербургским ведомостям», так как иначе не было бы необходимости в заголовке: «Из книги называемая Спектатор (Смотритель)» перед названием самой статьи: «Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексеевичем, российский императором, в рассуждении славы». Статья, переведенная Третьяковским с французского перевода, изданного в Голландии, с исключительной силой и резкостью сравнивает между собой деятельность Лудовика XIV и Петра I, отдавая полное предпочтение последнему.

Эта статья из «Спектатора», по-видимому, была очень популярна в России, среди сторонников Петра и просвещенного абсолютизма. О ней сочувственно отзывался Феофан Прокопович в своем «Слове

²³ П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. II. СПб., 1866, стр. 433.

²⁴ П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 26.

на похвалу... Петра Великого»: «...никто от политических французских писателей Петра Российского не мало выше кладет от своего государя славного одного великого Людовика».²⁵ Отзыв Феофана был наверняка известен Тредиаковскому; более того, можно предположить, что и самый перевод Тредиаковский сделал не без совета Феофана, к которому по возвращении в Россию он был близок.

Потерпев неудачу с опубликованием своего перевода «Сравнения между Людовиком XIV и Петром Алексеевичем», Тредиаковский все же пытается дорогую ему идею о превосходстве Петра I над Людовиком XIV протащить в печать. Например, уже много позднее, в «Сочинениях и переводах» 1752 года, он в своем переводе «Науки о стихотворстве и поэзии» («Искусства поэзии») Буало заменяет имя Людовика XIV Петром Великим и так поясняет это в примечании: «В подлиннике стоит Лудовик. Я переменил на Петра Великого не для того, что он наш был самодержец, как то и Лудовик XIV государь же автору, французского народа человеку: но для сего, что наш Петр Великий был герой всем больше Лудовика XIV по мнению и чужестранных народов».²⁶

Убежденным сторонником петровских реформ и просвещенного абсолютизма Тредиаковский выступает и в своих одах, посвященных современным событиям политической жизни, внутренней и внешней политике. Аристократическая реакция, утвердившаяся было при Петре II у власти, равно как и попытка установления олигархического режима, так называемая «затейка» верховников, вызывают самое резкое осуждение Тредиаковского. Считая в современных условиях только просвещенный абсолютизм реальной силой, способною вести Россию по пути общественного и культурного прогресса, Тредиаковский выступает безусловным апологетом самодержавия в своих одах 1730—1740-х годов и в крупнейшем переводе этого времени — «Аргениде».

Петровские реформы своим практически-жизненным содержанием внесли много нового в русскую общественную мысль. Уже к середине 1710-х годов идея перелома в истории России, произведе-

²⁵ Феофан Прокопович. Слова и речи, т. II, стр. 162—163.

²⁶ Сочинения Тредьяковского, том первый, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 63.

У Буало это следующие строки:

Que ses faits surprenants soient digne d'être ouïs,
Qu'il soi tel que Cesar, Alexandre, ou Louis...

В переводе Тредиаковского они имеют такой вид:

Достоин, дивен нам, и вкратце б был толикий,
Что Цесарь, Александр, или наш Петр Великий.

денного Петром, идея двух России, «старой» и «новой», всецело завладевает сознанием современников и в последующие десятилетия становится отправным пунктом всех идеологических построений. Так, Феофан Прокопович в одной из своих проповедей 1720 года говорил: «Долг великий лежит на всех, как духовных пастырях, так и мирских начальниках и прочих. . . беседами, разговорами, проповедями, пением и всякими сказания образом толковати и изъясняти в слух народа, что мы прежде были и что уже ныне, какова была Россия и какова есть уже».²⁷ И это характерно не только для сторонников и защитников реформ, но и для их противников, даже наиболее ожесточенных. Идеологи раскола, царевич Алексей и Петр II с их окружением, верховники — при значительных отличиях их практических планов и политических требований — также исходным пунктом своих идеологических построений вольно или невольно делали сопоставление двух России: допетровской и послепетровской. Таким образом, идея историзма вторгалась в русскую общественную мысль и литературу из самой действительности как результат тяжелого жизненно-исторического опыта. Разумеется, выводы из этого исходного положения делались совершенно противоположные. Старообрядческая и аристократическая «партии» тянули назад, усматривая в реформах только измену национально-религиозным традициям, а идеологи петровских реформ, начиная с Феофана Прокоповича, усматривали в «новой» России, созданной Петром, только начало и залог исторически прогрессивного развития страны по пути просвещения. Именно вера в развитие просвещения как в основу исторического прогресса русской нации составляла принципиальное отличие первых русских просветителей (Феофана Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского) от их противников при указанном единстве исходного пункта.

Первые русские просветители усвоили характернейшую черту официальной идеологии петровского времени. Петр, в отличие от своих предшественников, все частные сословные интересы стремился подчинить интересам дворянского государства и нации в целом. Конечно, в действительности его реформы служили в первую очередь интересам господствующих классов, но в сознании самого Петра и его сподвижников эти интересы полностью отождествлялись с интересами государства, и государство и нация (народ), в свою очередь, представлялись взаимно совпадающими понятиями. Служение государству означало служение нации. Такова была своеобразная идеологическая программа русского просвещенного абсолютизма, глубоко и органично усвоенная русскими просветителями 1720—1750-х годов. В их представлении проникнутый пе-

²⁷ Феофан Прокопович. Слова и речи, т. II, стр. 73.

редовыми идеями времени абсолютизм в конкретно-исторических условиях был единственным орудием просвещения и исторического прогресса. Поэтому его безусловная поддержка являлась основной политической идеей русского просветительства 1720—1750-х годов, как была она основной политической идеей французских просветителей в рамках того же хронологического периода. При этом поддержка абсолютизма у русских просветителей облекалась в конкретную форму борьбы за продолжение «дел Петровых». Петровские реформы были практическим эталоном и политической программой для всей просветительской литературы 1720—1750-х годов. Таким образом, «историзм» русских просветителей этого времени был по-просветительски утопичен, поскольку осуществление их программы выходило далеко за пределы возможностей и реальных интересов российского самодержавия.

Оценку петровской эпохи как начала нового периода в истории российского государства Тредиаковский применил и к развитию русской литературы. В этом состоял основной пафос его деятельности в 1730-е годы.

Развитие русского литературного языка он связывал именно с петровской эпохой: «Посмотрите от Петра Великого лет, обратившись на многие прошедшие годы; то, рассудив, увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в прежде его бывших. А от Петровых лет толь отчасу во многих писателях приятнейший оной становится, что нимало не сомневаюсь, чтоб великия Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте».²⁸ Из убеждения в том, что для новой России (послепетровской) нужна и новая литература, вышли все обширные планы переустройства русской литературы. В сжатом виде они были высказаны Тредиаковским в его «Речи о чистоте российского языка», прочитанной в «Российском собрании» 14 марта 1735 года, и дополнены в «Эпистоле от российския поэзии к Аполлину».

Каковы были в действительности планы «Российского собрания», судить трудно, но Тредиаковский, во всяком случае, в этой речи выступил с идеей своего рода «петровской реформы» всей современной ему литературы.

Реформа эта включала в себя создание грамматики «доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению и основанной на оном», словаря «полного и довольного», Реторики и «стихотворной науки». При этом Тредиаковский очень хорошо понимал огромность и трудность исполнения своих планов: «сия трудность есть превелика, однако она не из таковых, что не возмогла быть преодоленна. Всегдашнее тщание, непрестанное размышление, не-

²⁸ В. К. Тредиаковский. Стихотворения. (Библиотека поэта, большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 331.

усыпный труд и на прежидком море строит города, и на превысокие горы взводит реки, и в преглубоких безднах находит перла. Знаю, что трудно будет начало; но своя есть честь и начатию. Ведаю, что скучно будет продолжение; но и с тем громкая сопряжена слава. А из полезного окончания коликая похвала, коликие благодарения и, коликие прославления произойти могут, чувствует, кто сего уразуметь не может? Одно б разве сие токмо отвратить от предприятия нас могло, что не надеемся ин быть щасливы в окончании и что другим сей преславный жребий готовится, а не нам... На что нам завидовать щастью и славе других в окончании, когда довольно оного и оныя с нас в начатии и продолжении... не начиная же ничего, ничего и не будет».²⁹

Общую задачу — возможное дополнение языка, достижение его чистоты, красоты и совершенства — Третьяковский расчленил на ряд параллельных частных задач, каждая из которых была осуществлена много позже и уже не им и не «Российским собранием», просуществовавшим всего несколько лет, а Ломоносовым: Грамматика (1755), Риторика (1748). Что же касается словаря («Лексикона»), то он был выпущен Российской академией только в 1796 году.

Практически наиболее подготовлена оказалась реформа стиха или то, что Третьяковский называл «стихотворной наукой».

Третьяковский решился на реформу стиха потому, что в его представлении создание новой, единой общенациональной литературы требовало и соответствующей формы, связанной с коренными традициями национальной культуры. Так же, как и в предисловии к «Езде в остров любви», он демонстративно отказывался от «славянского языка» потому, что он «у нас есть язык церковный», так и силлабическая система стиха, привнесенная в русскую поэзию украинскими церковниками, была для него поэзией духовенства и церковно-школьного обихода. А ведь хорошо известно, с какой непримиримостью Третьяковский относился к церковникам в начале 1730-х годов, т. е. в период разработки и осуществления своих реформаторских планов. По поводу читательских откликов на «Езду в остров любви» он писал: «... другие, которые обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, говорят, что я первый развратитель русской молодежи, тем более, что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь. Что вы, сударь, думаете о ссоре, которую затевают со мной эти ханжи? Но оставим этим Тартюфам их суеверное бешенство; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это сволочь, которую в просторечии называют попами».³⁰

²⁹ Там же, стр. 330.

³⁰ Там же, стр. 477.

Тот разрыв с допетровской Русью, который совершил Петр в общегосударственном масштабе, Тредиаковский хотел осуществить в литературе. Начал он со стихосложения и системы поэтических жанров, поскольку новая система стиха могла реализоваться только в конкретных жанровых формах, в свою очередь нуждавшихся в системе стиха как в опоре, основанной на истории и на разуме.

Одна из своеобразных черт русского просветительства 1730-х годов — это его неразрывная связь с классицизмом, эстетика и практика которого в наибольшей мере могли быть пригодны для создания литературы общенациональной, освещающей все проблемы жизни нации с точки зрения ее общих, а не частных интересов. Именно поэтому Тредиаковский, переводивший за границей аллегорически-галантный роман Тальмана, по приезде в Россию взялся за разработку жанра оды, того жанра, который оставался основным видом поэтической продукции русских поэтов в течение всего XVIII столетия. Тредиаковский не сразу нашел нужную ему одическую форму. Первоначально самой подходящей казалась ему написанная Феофаном Прокоповичем в подражание Горацию латинская ода Петру II «К предшествию восприятия короны е. и. величества», в которой говорилось: «На этом престоле ты явишь собою пример справедливого и мудрого судьи, карающего преступления, коварство, хитрость и обман; ты твердою рукою поразишь вредоносную клевету и ненасытное любостяжание и унизишь горделивые замыслы... Итак, взойди на трон, возьми сильной рукою наследственный скипетр и будь вторым Петром Великим».³¹ В обращенной к Анне Иоанновне «Песне» 1733 года Тредиаковский воспроизвел ход и последовательность мыслей оды Прокоповича; так же как Феофан, он говорит о том благополучии, которое должно наступить в России под управлением Анны:

Пойдет век долговечен
И многочеловечен;
Поживем в благостыне,
Мы все везде отныне.
Счастлием богом данны
Самодержицы Анны.

.....
Всяка злость истребитя,
Злый нрав искоренитя;
Добро само всем любо,
Худо явится грубо.

.....
К правде склонен всяк будет,
Лжи и след весь забудет, ...

³¹ П. Морозов. Феофан Прокопович, как писатель. СПб., 1880, стр. 333.

Но заканчивается «Песнь» Тредиаковского более конкретным, программным по своему значению, тезисом:

Процветут здесь науки,
И ремесленны руки;
Мудрость больше, неж в Афинах,
Дело чище, неж в Хибах. . .

— в то время как Прокопович говорил о необходимости продолжать дело Петра I в самой общей форме.

В 1734 году Тредиаковский с большой похвалой отозвался об оде Феофана Петру II в своем «Рассуждении об оде вообще»: «Я когда приехал из Франции в С.-Петербург и через приятство одного мне друга лишь впервые стал читать сообщенную мне ту оду и почувствовал энтузиазм ее прывсокий, то в толь великий энтузиазм удивления и сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестью моею, удержаться, чтоб с дважды или с трижды не вскричать: боже мой, как эта ода хорошо и мастерски сделана! . . .».³²

«Энтузиазм», вызванный поэтическим совершенством и, по видимому, идейной близостью позиций Феофана, не помешал Тредиаковскому избрать иную форму оды. Образцом для него стал Буало, оде которого на взятие Намюра Тредиаковский подражал, как он сам указывает, в «Оде на взятие Гданска».

Приложенное к этой оде «Рассуждение об оде вообще» содержало первое в нашей литературе обоснование этого жанра с точки зрения теории классицизма с его строгой иерархией жанров и стилистических средств. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» уже описал всю систему стихотворных жанров (с образцами работы самого Тредиаковского) с точной отсылкой к древним и французским авторитетам в данном жанре: рондо — Вуатюр, эпистола, сатира и ода — Буало, элегия — де ла Сюз.

Таким образом, новая русская литература получила новое стихосложение, полную систему жанров, образцы их на русском языке и все это было воодушевлено просветительской идеей непрерывного общенационального культурного прогресса, орудием которого, как предполагалось, будет просвещенный монарх, покровитель наук и искусств, а средством — просвещение: науки и искусства.

Так русское просветительство в лице молодого Тредиаковского сделало первый шаг по пути создания литературы общенациональной.

³² П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 46.